

Соколов Александр Алексеевич

Сестра милосердия

Роман в 3 частях. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич С.**
Сестра милосердия: Роман в 3 частях. Часть 2 / Соколов Александр Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 424 с.

ISBN 978-5-519-74483-6

ISBN 978-5-519-74483-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

В ъ с е м ѣ ѣ.

Необъятныя имѣнія князя Бородинскаго, лежащія въ одной изъ срединныхъ губерній, занимали чуть не одну треть этой губерніи. Роскошные лѣса, громадныя поля, озерки и рѣки, заливныя луга, дикія пустоши и, наконецъ, большія совершенно степныя пастбища,—все это было раскинуто на невысокихъ, но и не на очень низенькихъ горахъ. Граница, гдѣ начинались имѣнія князя, рѣзко сказывалась для путника. Онъ въѣзжалъ точно въ рай изъ кромѣшнаго ада.

Не природа, конечно, являла эту рѣзкую перемену, но состояніе дорогъ. Изъ ямъ и ухабовъ всероссійскихъ, вы сразу попадали на отличную шоссеиную дорогу, прекрасно содержимую во все время года.

Среди благоустроенныхъ имѣній князя находилось имѣніе Куртиныхъ, единственныхъ помѣщиковъ и сосѣдей его. Какъ очутилось это небольшое имѣніе,

какъ заплата на богатомъ кафтанѣ, среди имѣній Бородинскаго—Богъ вѣсть. Достаточно, что оно было.

Куртины были небогаты и потому, понятно, ихъ «клочекъ» нарушалъ гармонію цѣлаго, благоустроеннаго.

Роскошный дворецъ князя Бородинскаго, окруженный всѣми прихотями времени крѣпостничества, лежалъ въ полутора верстѣ отъ меньшаго двухъ-этажнаго каменнаго господскаго дома, принадлежащаго Куртинымъ.

Онъ былъ набитъ народомъ, нужды нѣтъ, что князь жилъ въ домѣ только съ своею внучкою. У князя былъ компаніонъ-французъ, три раззорившихся помѣщика проживали въ качествѣ шутовъ, былъ докторъ, аптекарь, агрономъ, берейторъ, управляющій, дворецкій, старшій камердинеръ, два младшихъ, два козачка, наконецъ, у князя были двѣ лягавыхъ собаки, за которыми смотрѣли ветеринаръ съ помощникомъ.

На половинѣ внучки были двѣ компаніонки, гувернантка англичанка, гувернантка французженка, четыре учителя и опять своя дворня пола мужеска и женска.

Затѣмъ каждый учитель имѣлъ своего лакея, каждая гувернантка свою горничную, у доктора былъ лакей, у агронома лакей, у берейтора лакей и пять кучеровъ, у кучеровъ десять конюховъ; французъ компаніонъ и раззорившіеся помѣщики пользовались прислугою.

Для надзора за имѣніями имѣлось цѣлое управленіе. Были отдѣленія по рыболовству, по скотоводству, по

хонеvodству, по земледѣлію, по лѣсоводству, по садоводству.

Словомъ, это было маленькое княжество, въ которомъ старикъ, князь Бородинскій, царилъ полновластно, на каждомъ шагу примѣняя знаменитое изрѣченіе Людовика XIV: «законъ—это я»!

Выросшій и воспитанный въ привычкахъ своеволія и барства, въ роскоши и нѣгѣ, прошедшій со славою государственнѣйшій путь, князь, при концѣ своей жизни, остался «не у дѣлъ» и поселился въ своихъ роскошныхъ имѣніяхъ.

Добрый по природѣ, онъ, однако, всю жизнь свою носилъ маску строгости, стараясь увѣрить себя, что того требовали его происхожденіе, его санъ, его должности... Онъ нарочно былъ недоступенъ и недостижимъ, хотя въ душѣ сознавалъ всю пустоту подобнаго величія.

Но таково было время, такова была система:

Кому нужда, тѣмъ спѣсь: лежи они въ пыли.

Князь Бородинскій былъ роста высокаго и сложенія плотнаго. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, держался прямо. Военная выправка и военная кость сказывалась въ немъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ шагѣ, въ манерѣ спрашивать и, въ особенности, въ манерѣ отвѣчать.

Бѣлые, какъ снѣгъ, волосы онъ постоянно стригъ подъ гребенку. Длинные усы и бакенбарды ежедневно завивалъ ему старшій его камердинеръ и какъ-то особенно красиво расчесывалъ, или, правильнѣе, разбрасывалъ ихъ въ разныя стороны, чрезъ что получался

видъ пріятный, красивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгій.

Даже густыя брови князя подвивались ежедневно и начесывались на глаза для пущей важности. Разговаривая, князь любилъ смотрѣть внизъ и, уловивъ моментъ, вдругъ скидывать глазами и долго не спускать ихъ съ лица, удостоеннаго этимъ взглядомъ. При этомъ князь смотрѣлъ въ лицо съ тѣмъ упорствомъ и съ тою медленностію, которая ясно говорила, что такой взглядъ можетъ быть только у человѣка «власть имущаго».

Въ одну изъ безчисленныхъ турецкихъ кампаній князь былъ слегка раненъ въ правую ногу. Рану, конечно, раздули, опасность увеличили, и доктора увѣрили князя въ необходимости ходить, опираясь на костыль.

Костыль понравился князю и, несмотря на то, что онъ часто ему только мѣшалъ, онъ все-таки не выпускалъ костыля изъ рукъ и, не чувствуя никакой боли въ ногѣ, во время дурной погоды прихрамывалъ и даже, при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, корчилъ легкую гримаску и не безъ удовольствія замѣчалъ на лицѣ встрѣтившагося чувства глубокаго уваженія къ нему, князю, на старости лѣтъ страдающему отъ ранъ, полученныхъ при защитѣ драгоцѣннаго отечества.

Князь лгалъ и стыдился этой лжи...

Но что дѣлать?.. Таково было время, такова была система.

Даже, въ душѣ принадлежа къ числу людей невѣрующихъ, онъ постоянно посѣщалъ церковь, стано-

вился на самомъ видномъ мѣстѣ и молился съ самымъ глубокимъ усердіемъ. Оказывалъ видимое почтеніе къ духовенству, надъ которымъ подсмѣивался въ тихомолку съ своимъ компаніономъ французомъ и говорилъ:

— Нельзя!.. Мой примѣръ безвѣрія соблазнить тысячи, а надо, чтобы эти тысячи не соблазнялись.

Французъ поддакивалъ князю.

Въ одномъ случаѣ только исчезала вся ложь и вся напыщенность князя: это при встрѣчѣ съ своею внучкою, вылитымъ портретомъ его покойной жены и единственной дочери убитаго въ Венгерскую кампанію сына.

Здѣсь все слетало съ князя и онъ являлся просто человѣкомъ съ добрымъ и любящимъ сердцемъ, съ глазами, умѣющими смотрѣть не съ упорствомъ и властію, а съ мягкостію и любовію. Привычка производить эффектъ скидываніемъ глазъ здѣсь замѣнилась безсиліемъ опустить разъ поднятые глаза. Лаконизмъ разговора переходилъ въ безконечно-долгую, мягкозвучащую и, какъ ручеекъ, льющуюся рѣчь.

Каждое утро, въ ожиданіи внучки, ему казалось, что часы отстаютъ, какъ и каждый вечеръ, при приближеніи часа разлуки, ему казалось, что они слишкомъ ушли впередъ.

Онъ каждый разъ вздрагивалъ, когда безъ всякаго предупрежденія поворачивалась дверная ручка у дверей его кабинета и черезъ порогъ влетало маленькое, легкое, граціозное, полувоздушное существо и бросалось къ нему на шею, обнимало и цѣловало его и за-

тѣмъ опускалось передъ нимъ на колѣни, прямо на подушки, которыя князь любилъ имѣть подъ ногами.

Князь бралъ княжну за головку и откидывалъ нѣсколько назадъ.

Первымъ обычнымъ вопросомъ князя былъ вопросъ, заключавшій въ себѣ стереотипную фразу:

— Ты, вѣрно, плохо спала ночь?

Не смотря, однако, на эту стереотипность, оттѣнокъ истинной тревоги всегда звучалъ въ его голосѣ.

— Нѣтъ, дѣдушка, я спала отлично.

— Ну, вотъ у тебя и въ голосѣ что-то такое странное... хрипота какая-то.

— Да полноте, дѣдушка, я здорова.

— Вижу я твое здоровье, вижу... Вѣрно, поздно легли... Да, сохрани Господи, еще не гуляли-ли вечеромъ по саду?

— Нигдѣ не гуляли, дѣдушка, и легли спать во время...

— Знаю я ваше время... Это все madame Дюпюи егозить... Знаетъ, что гражданка Франціи, и на русскую конюшню для полученія порціи не попадетъ— вотъ и егозить.

Внучка начинала цѣловать дѣдушку и все проходило.

Кажется, страшная-бы бѣда обрушилась на головы всѣхъ живущихъ въ домѣ, если-бы дѣйствительно случилась серьезная болѣзнь съ его безцѣнной Marie.

Каждое утро князь и княжна проводили часа по два, пока, наконецъ, не раздавался чутъ слышный

вопросительный звонокъ, извѣщавшій князя, что кто-то пришелъ и желаетъ его видѣть.

Всегда медленно и неохотно дергалъ онъ за сонетку и явившемуся человѣку длилъ сказать слово:

— Зови!

Но вотъ и оно срывалось съ языка и затѣмъ начиналось дѣло у князя и ученіе у княжны.

Къ нему являлись съ докладами, которыхъ онъ не слушалъ, хотя и дѣлалъ видъ, что слушаетъ. Въ это время князь читалъ газеты, конечно, иностранныя. Да русскихъ газетъ въ то время было и очень мало и въ нихъ ровно ничего не писалось, кромѣ восторженныхъ «ура» и восхитительныхъ «рады стараться» и «слушаю-съ».

Князь пробѣгалъ только въ «Русскомъ Инвалидѣ» отдѣлы «Высочайшихъ наградъ» и безконечныя «переводятся», «производятся», «исключаются», «назначаются», «увольняются», «отчисляются» и «опредѣляются». На нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлалъ карандашомъ помѣтки. При чтеніи онъ то улыбался, то морщился, то пробѣгалъ извѣстія съ равнодушіемъ, то видимо сердился; иногда кивалъ головой одобрительно, иногда отрицательно, иногда вдругъ неудомѣвалъ и, словно за отвѣтомъ на свое недоумѣніе, скидывалъ глаза на докладчика и смотрѣлъ упорно, пронизывающе, долго.

Послѣ докладовъ слѣдовалъ завтракъ и продолжительная прогулка пѣшкомъ. Затѣмъ князь отдыхалъ въ креслѣ, а потомъ ѣхалъ на работы. Обѣдалъ, спалъ и далѣе разнообразилъ свои вечера то шүтовствомъ

помѣщиковъ-приживалокъ, то хоромъ пѣсенниковъ, то громаднымъ дворовымъ оркестромъ, а то сраженіемъ въ шахматы съ французомъ.

Внучкѣ князя Маріе Бородинской шелъ восемнадцатый годъ. Выше мы сказали, что это было маленькое полувоздушное созданіе.

Она напоминала собою прелестную куколку, съ роскошными золотистыми волосами. Бѣленькая, полненькая, съ розовыми щечками, крошечнымъ ротикомъ, всегда чуть-чуть открытымъ, улыбкою. почти не сходящею съ лица и обнажающею два ряда ровненькихъ маленькихъ зубочковъ, она дѣйствительно была-бы куколкою, если бы не большіе голубые глаза, заключавшіе въ себѣ бездну выраженія, бездну огня и порою бездну чего-то загадочнаго...

Въ домѣ князя Бородинскаго было извѣстно, что сосѣди-помѣщики Куртины ждутъ пріѣзда своего сына изъ Севастополя.

Маріе Бородинская выражала нетерпѣніе какъ можно скорѣе увидѣть „юнаго героя“, которому она такъ давно уже симпатизировала, и къ которому разлука неожиданная, негаданная удвоила эту симпатію.

Старикъ-князь съ безпокойствомъ всматривался въ личико своей внучки при произнесеніи имени Владимира Куртина.

Не говоря уже о прелести мундира вообще, который еще и въ наше время составляетъ нѣчто очень значительное для барынь и барышень, двадцать лѣтъ тому назадъ онъ игралъ не менѣе видную роль, какъ

и во времена Александра I, когда въ честь мундировъ.

И кричали жепщипы „ура“
И въ воздухъ чепчики бросали.

Повторяемъ, что, не говоря уже объ этой прелести, самъ по себѣ Владиміръ Куртинъ могъ привлечь къ себѣ симпатіи женщинъ, какъ своею красотою, такъ и внутренними качествами души.

Высокаго роста, тонкій и стройный, съ симпатичнымъ, правильно очерченнымъ лицомъ, съ большими глазами, онъ производилъ впечатлѣніе. Необыкновенная подвижность и выразительность лица выливали наружу все, что происходило внутри его. А внутри его было такъ много хорошаго...

Возвращаясь изъ Севастополя, какъ гражданинъ, исполнившій передъ отечествомъ честно свои обязанности, исполнившій ихъ не въ силу «требованій» и «предписаній», а по собственному побужденію, влекомый отчасти и самолюбіемъ, онъ возвращался уже офицеромъ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, присужденнымъ ему за то, что онъ получилъ хотя и нѣсколько незначительныхъ ранъ, но найденъ былъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ непріятельскихъ траншей, куда достигли немногіе изъ преслѣдовавшихъ непріятеля.

Все это ему обѣщало хорошій пріемъ и давало неотъемлемое право на особенное вниманіе.

Старикъ-князь, какъ человекъ умный, хорошо все это понималъ и его беспокойство удваивалось.

Онъ и прежде, какъ мы говорили, уже замѣчалъ

«нѣкоторую склонность» другъ къ другу въ молодыхъ людяхъ, но, соразмѣряя свое и Куртина положеніе, не допускалъ мысли «объ увлеченіи».

Теперь онъ видѣлъ, что шансы на «увлеченіе» увеличиваются, и начиналъ серьезно беспокоиться.

Ему однажды было сверкнула мысль немедленно собраться и уѣхать...

Но куда?

Странно-бы было князю жить въ губернскомъ городѣ, гдѣ какой-нибудь губернаторъ, который въ былое время настоялся бы въ его приемной залѣ, будетъ все-таки первымъ лицомъ. Жить въ столицахъ и не «у дѣлъ», это не могло входить въ расчеты старика-князя, привыкшаго властвовать. Оставалось одно—ѣхать за границу.

Но патріотично-ли бы было богатому вельможѣ уѣхать въ Европу, въ которой антипатіи къ Россіи, потерявшей все, вслѣдствіе своей отсталости, послѣ «парижскаго мира» страшно возросли. Да кромѣ того, Россія нуждалась въ капиталахъ, и если не въ восстановленіи кредита, то хотя въ малѣйшей его поправкѣ. Князь хорошо понималъ, что поѣздка за-границу была немыслима.

Да кромѣ того, князю было уже извѣстно изъ многочисленной переписки съ сановниками, что «тамъ (иначе тогда не выражались) затѣваются реформы», и что необходимо будетъ стать «въ оборонительное положеніе», ибо, какъ и увѣдомили князя, «наступательное движеніе» будетъ весьма сильное.

Письма писались лаконически, фразы въ родѣ «наши